

НАТУРАЛЬНО, ЖИЗНЕННО, ПОХОЖЕ

— Стужено все это, в жизни так не бывает... Поображен, судя по всему, ответственный товарищ, и его как-то выставили в таком свете... Не бывает у нас таких, ненатурально, нежизненно, непохоже!

Какие знакомые слова! Неоднократно повторенные печатно и устно, они были одно время — и довольно продолжительное — своеобразным credo теоретиков и практиков «бесконфликтности».

Нетрудно доказать, что подобные утверждения неоригинальны. Более того. Странички «бесконфликтности» можно смело приближить к самым беззащитным плагиатам. Слова, приведенные выше, принадлежат... Пободоносикову. Именно он, герой «Бани», с подобных же позиций критиковал свой художественный образ, просмотрев два акта пьесы В. Маяковского. Как бы предвзята нападка на «Банию», на остро сатирический рисунок «главного начальника по управлению согласованиям», Маяковский ввел сцену, в которой заставил самого героя «высказаться».

Однако эта глубокая ирония не «дошла», понимали, ни до некоторых тогдашних любителей идеалистических картинок, ни до проповедников «бесконфликтности», подлившись на полнине театральная критика и латидиаль-диданать лет спустя.

Воспользовавшись тем, что в одной из первых постановок «Бани» режиссерские неурны были истолкованы положительные образы пьесы, некоторые критики обвинили автора в схематичности и отвлеченности этих героев. Ошибочность режиссерской концепции, определившая неудачу спектакля в целом, послужила поводом для объявления «Бани» произведением вообще непригодным для советского театра.

Эта живая легенда, созданная в тридцатые годы, оказалась необычайно живучей. Она подогрелась на всех литературных и театральных перекрестках явными и тайными недоброжелательствами поэта. «Нецензурная», «непонятная массам», «абстрактная» — таковы определения «Бани», которыми пугали тех, кто вновь пытался дать специфическую жизнь пьесе.

Старым, но грозным оружием называл пьесу свое творчество, принадлежащее будущему. Особенно зримо ощущалась справедливость этих слов, когда смотрелись спектакли «Баяна», показанный Московским театром сатиры. Даже более того, это оружие оказалось вовсе не старым, — очень многое в «Баяне» прозвучало, будто написанное сегодня.

Пусть не все образы пьесы, особенно

«Баня» В. Маяковского на сцене Московского театра сатиры

положительные, выписаны автором с достаточной полнотой и тщательностью (Маяковский сам говорил об этом), пусть отдельные реплики героев со временем утратили остроту, — нам близко и понятно главное в «Баяне»: утверждение новой жизни, беспощадная борьба с тем, что мешает нам «строить в мей». Именно так истолковал пьесу в Московском театре сатиры постановщик Н. Петров, В. Плутчик и С. Ютеевич.

Правильно определив основной идейный замысел драматурга, режиссура не ограничилась лишь созданием остро сатирического спектакля с элементами гротеска. Нафос созидательного труда, энтузиазма простых людей, мечта о будущем, которое можно приблизить лишь своими силами, — все это составило одну из основных линий пьесы. И линия эта четко проведена в спектакле. Маяковский говорил: «...то, что мы нашу пятилетку выполняем в четыре года, это и есть своего рода машина времени». Следуя этому принципу, режиссеры раскрывают идею «машины времени» как коллективную волю советских людей, стремящихся обогнать время, как борьбу новаторов за высокие темпы, за ударный труд. Символический образ «машины времени» покупает вследствие этого предельно конкретное выражение, понятное широкому зрителю.

Бережная, глубоко продуманная работа над текстом, остроумные мизансцены, стремительный и четкий ритм спектакля, блестящий финал — свидетельство высокого мастерства режиссеров, добившихся этой постановкой большой, принципиальной победы.

Успех постановщиков спектакля, безусловно, разделяют актеры, создавшие выразительные характеры героев «Бани». Обязателен «легкий кавалерист» Белоносиков. Юный задор и особая лихость, оставшаяся от «бывшей беспризорничности», только сочетаются в нем со страстью бойца, умного, энергичного, прекрасно знающего цену всем этим пободоносиковым и оптимистенко, мезальянсовым и поит кичам. Легко и непринужденно исполняет роль Белоносикова артист Б. Руаге. Простыми и верными штрихами он рисует трогательную заботу о судьбе изобретения Чудак

ва. Верить, что такой, если понадобится, будет «жрать чиновников и вымывать пуговицы», но добьется своего. Обидно не только в гневе на всех и всехских бюрократов хорош Белоносикова-Руаге. Не менее убедителен он и в сцене, когда, взобравшись на ступеньки лестницы, ведущей в «машину времени», он, не проронив ни слова, слегка кронически поглядывает на Пободоносикова и его окружение, торопящихся на посадку. В этой уязвке как бы читается: «Нет, не дохотят тебе, Пободоносиков, до коммунизма, выброси по дороге!».

Естественность, свойственной В. Руаге, несколько нехватает исполнителю роли Чудакова Д. Дубову. Верно передавая страстную ошущенность своего героя идеей создания фантастической машины, артист временами излишне суетится.

Труна роль Фосфорической женщины — посланца 2030 года. Артистка Н. Архипова, исполняющая эту роль, не сглаживало, видимо, так «приземляясь» характер своей героини, рисовать его несколько обидными. «Обычность» сценического образа противоречит необычности миссии, возложенной на Фосфорическую женщину в пьесе. Этот упрек следует отнести прежде всего к постановщикам.

Сцена из VI действия «Бани».

Фото М. ОКУШКО.

Хороша в небольшой роли машинистки Ундертон Г. Кожкина, особенно в сцене разговора с Фосфорической женщиной. Не нашла еще необходимых красок для своей героини артистка Б. Канева (Поля — жена Пободоносикова).

Пободоносиков — наиболее яркая и колоритная фигура в пьесе. Характеристика, данная ему драматургом, выразительна и предоставляет исполнителю этой роли большие творческие возможности. Пободоносиков — отъявленный бюрократ, приспособленец, невежда, морально нечистоплотный человек. Но при этом он ни на минуту не сомневается в своем превосходстве над окружающими. «Главнапучек» всерьез убежден, что он — личность незаменимая. Мы видим его при сочинении нелепого юбилейного выступления, в беседе с «портретистом, баталистом, натуралистом» Вельведонским. Он с алкомом рассуждает о задачах искусства, дает «руководящие указания». Мы, наконец, видим его наглотать и личным в отношении к жене. Словом, драматург нарисовал разносторонний характер, создал остро сатирический образ.

Артист А. Ячницкий в основном правильно понял своего героя. Особенно удачно проведены им сцены второго акта и финал. В них исполнитель показал главное в Пободоносикове — вопиющий контраст между его внутренним ничтожеством и внешней непогрешимостью, безмерным самодовольством. В этом — смысл характера пободоносиковых, в этом их главная опасность. Даже сброшенный с «каменных времен» и удаляясь в «личную жизнь писать воспоминания». Пободоносиков не растерян, а с некоторым вызовом говорит: «...что вы этим хотели сказать, — что я вроде не нужен для коммунизма?».

К сожалению, в отдельных сценах А. Ячницкий лишился образной «монументальности», без которой немислим Пободоносиков. Такая трактовка притупила сатирическую заостренность характера героя, он стал несколько мелковат.

«Он гладкий и полированный, как дачный парк. На его зеркальной чистоте только начальство отражается, и то вверху ногам», — опре-

деляет Белоносикова Оптимистенко. Артист В. Ленко превосходно ведет эту роль. Скудные жесты, неторопливая, многозначительная речь, тусклый, равнодушный взгляд как бы олицетворяют фигуру равновесного охраниителя бюрократических порядков. С каменным-непроницаемым лицом он встает на пути казавого, кто пытается пройти в кабинет Пободоносикова. Точно, с чувством меры рисует В. Ленко и другого Оптимистенко — изгибающегося в три погибели перед мадам Мезальянсовой или до смерти перепуганного появлением Фосфорической женщины. Непередаваемо комична его фигура, когда в наклонном беге, с бортающимися на груди восточными, вооруженный допотопным пистолетом, он пролетает пологотому посланца будущего. Вся эта сцена вызывает у зрителей взрыв хохота.

Не менее острую характеристику дает своей героине артистка И. Славнова. Она предельно обнажает идейное ничтожество мадам Мезальянсовой, выбивленной во все ностраионы. И вся ее изломанная фигура, и танцующая походка, и неизменная папирота в зубах, и ушагротонный бостом — все подчинено цели разоблачения этой космополитствующей барыньки, для которой чуждо все советское, все русское.

Хочется надеяться, что режиссура добьется более четкого звучания слова Маяковского — несомного, жваого, точного, посушего бопышную смысловую нагузку. Некоторым артистам еще не удается конести до зрителя авторский текст.

Творческий коллектив Московского театра сатиры создал веселый, злободневный спектакль. Постановка с большим вкусом, изобретательно оформлена С. Ютеевичем. Хорошая музыка В. Мурадели придает спектаклю жизнегладостный, стремительный темп.

Думается, пример Московского театра сатиры найдет подражателей, и советские зрители получат широкую возможность познакомиться с героями «Бани» не только по полным собраниям сочинений поэта, но и в живом сценическом воплощении. И Пободоносиков, и Мезальянсова выглядят на сцене весьма натурально, мизменно, по-человечески. Если и не они, то их разновидности ходят еще, к сожалению, по нашей земле, в борьбе с ними не прекратилась. И чем раньше они окажутся выброшенными «чортовым колесом времени», тем лучше.

Ю. ИВАШЕНКО.

«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»

12 декабря 1953 г.

3-стр.